

**ВЕРХОВАЯ ЕЗДА И ВЕРХОВОЙ КОНЬ В ПОВСЕДНЕВНОЙ И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ
ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ЕНИСЕЯ***

На основании письменных и этнографических источников произведен обзор значения и функций коня в культуре позднесредневекового населения Среднего Енисея – енисейских кыргызов и их кыштымов. Представленная информация является итогом проведения комплексных археологических, этнографических и архивных изысканий в области истории енисейских кыргызов на заключительном этапе существования их государства.

Ключевые слова: Южная Сибирь, Средний Енисей, позднее Средневековье, этнографическая современность, верховой конь, снаряжение коня.

В позднем Средневековье и начале Нового времени (XIII – начало XVIII в.) культурно-хозяйственный тип населения Среднего Енисея подразумевал господство отгонного скотоводства. Сведения письменных источников, подкрепляемые этнографическими материалами и данными из археологических памятников, подтверждают, что основой жизни местных народов, независимо от этнических различий, являются продукты скотоводства [Бутанаев, 2002. С. 11]. В этих условиях предполагается определяющая роль верховой езды, которую обеспечивал необходимый материальный комплекс – конское снаряжение. Рассматривая верхового коня как важнейший элемент хозяйства и мировоззрения, неотъемлемую часть культуры позднесредневекового населения предлагаем краткий обзор сведений из письменных и этнографических источников, посвященных восприятию и практической роли коня в жизни полукочевого и кочевого населения региона. Эти данные экстраполируются на позднесредневековую эпоху, предполагая, что таким способом возможно наполнение археологической бесписьменной культуры Среднего Енисея второй по-

ловины XIV – первой половины XVII в. «живым» материалом и пониманием некоторых границ обыденного и сакрального создателей соответствующих памятников.

По одной из версий, верхом на лошади человек стал ездить 6 тыс. л. н. [Энтони и др., 1992]. Доместикация – это продолжительный процесс, который не мог быстро привести к масштабным сдвигам в человеческой истории. Интересно, что даже в саянских мифах подчеркивается долгий и весьма сложный путь приучения коня к верховой езде. Так, «в древности один из первых всадников, который обучил коней ходить под седлом, объезжая дикого скакуна, налетел на лиственницу и погиб» [Бутанаев, Монгуш, 2005. С. 166]. В любом случае, верховая лошадь стала, пожалуй, главным условием возникновения и распространения кочевых цивилизаций. Во многих трудах подчеркивается, что «лошадь сыграла революционную роль в передвижении, в торговле и военном деле» [Бёкёни, 1984. С. 12]. Конь являлся основным объектом хозяйствования ряда империй Евразии, всплески влияния которых пришлось на отдельные периоды конца I тыс. до н. э. – II тыс. н. э.

---

* Работа выполнена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. (ГК № П1139).

Если же учитывать, что на протяжении большей части письменной истории конь и всадник были главными действующими лицами вооруженных столкновений, которыми так изобилует это время, то становится очевидным, что данное утверждение применимо не только к культурам кочевников [Кирпичников, 1973. С. 5; Ковалевская, 1977. С. 3].

Внимание к коням и его снаряжению прослеживалось у большинства народов Евразии. Отметим особое значение его у непосредственных соседей населения Среднего Енисея: тувинцев [Даржа, 2003], якутов [Маак, 1994], бурят [Буряты, 2004. С. 98]. В тюрко-монгольском эпосе конь занимает особое положение. Здесь уделяется внимание и содержанию лошади, и ее выезде, конским скачкам, постоянно проводится хвала коню [Липец, 1984].

В Саяно-Алтае верховая езда появилась около 1500 г. до н. э. [Бёкёни, 1984. С. 13]. Это подтверждается и находками костяных псалий в археологических памятниках Минусинской котловины эпохи поздней бронзы: Торгажак, Каменный Лог I, ямы Устинкинского могильника [Савинов, 1996. С. 26]. Искусство верховой езды менялось, развивалось и конское снаряжение, варьировался тип хозяйствования, изменялся и состав стад у населения Среднего Енисея, но роль коня все время оставалась крайне важной.

К позднему Средневековью народы юга Средней Сибири вели разнообразное хозяйство. До начала монгольской экспансии определенное развитие имело земледелие, преимущественно у этносов, которых следует считать кыштымами енисейских кыргызов. Последние же, судя по всему, продолжали сохранять кочевое скотоводство [Худяков, 1984. С. 23]. Тем не менее любой этнос, обитающий в лесостепной и степной полосе Центральной Азии, должен иметь в качестве важного элемента своего хозяйства коня. Во-первых, лошадь – фактически единственный способ передвижения в мирной хозяйственной жизни и в периоды войны. По-видимому, у рядовых кочевников снаряжение охотничьих и мирных (хозяйственных) коней не отличалось от верховых военных – вся амуниция была характерна для «кочевников-скотоводов сухих степей» [Жамбалова, 1991. С. 71]. Одним из косвенных подтверждений исключительной роли

верхового коня как транспортного средства можно считать и лыжи коренного населения Среднего Енисея, которыми оно активно пользовалось. По сведениям китайских летописей, лыжи назывались «деревянные лошади» [История Хакасии..., 1993. С. 132]. Во-вторых, конь – это источник определенных продуктов питания. Из лошадиного молока делали водку. Из конского волоса изготавливали веревки и арканы [Патачаков, 1958. С. 18], струны музыкальных инструментов, султаны и т. п. Массовое применение имела шкура коня [Там же].

О повсеместном распространении верховых коней на территории Среднего Енисея в развитии Средневековья свидетельствуют данные письменных источников и археологии. Сообщения о лошадях, которые использовались до монгольской экспансии, имеются в танских летописях. Кони «плотны и рослы. Лучшими считаются, которые сильно дерутся» [Бичурин, 1998. С. 359]. «Их лошади чрезвычайно крепки и крупны; тех, которые могут сражаться, называют головными лошадьми» [Кюннер, 1961. С. 56–57]. В литературе отмечается, что, возможно, «кыргызы разводили различные породы лошадей» [Худяков, 1984. С. 21]. О времени позднего Средневековья имеется запись в «Юань ши»: «в их землях есть породистые лошади» [История Хакасии..., 1993. С. 132]. В других источниках: «страна разводит прославленных лошадей: белых, черных, зеленых, как море» [Там же]. Последнюю масть, за неимением других данных, следует считать, скорее всего, вымыслом летописца.

Внешний вид лошади, распространенной на рубеже I–II тыс. н. э. в степях Центральной Азии и дошедшей до нас, думается, незначительно изменившейся, соответствует экстерьерному комплексу, близкому к монгольскому типу, который противопоставляется другим локальным группам [Алексеев, 1990. С. 158]. «Это вписывающиеся в квадрат животные с крутым затылком, мощным крутореберным туловищем на низких костистых и сухих ногах... с прямыми бабками и высокими крупными стаканообразными копытами, короткой и часто высокой холкой, короткими и иногда мягковатыми спиной и поясницей, округлым и иногда свислым крупом... В целом эта лошадь производит впечатление представителя культурной породы и плода длительной специальной, селекционной работы, под тя-

желовооруженного всадника она... была идеальна... Можно предполагать, что подобные лошади были вертки, поворотисты, достаточно мощны для ударных действий в строю и ловки при индивидуальном бое» [Алексеев, 1990. С. 158].

Свидетельством давнего ведения коневодства у населения юга Приенисейского края является «богатство и разнообразие названий по возрастным признакам лошадей и по их масти в современном хакасском языке» [Патачаков, 1958. С. 18]. В нем имеется около 90 названий различных оттенков мастей лошади [Бутанаев, 2002. С. 12]. Конь по-хакасски – *ат*, жеребец – *асхыр*, кобыла – *пиш*, жеребенок до трех лет – *тай*, другое название жеребенка – *хулун*. По мастям было деление лошадей следующее: гнедая – *тораат*, соловая – *сараат*, вороная – *хараат*, пегая – *хоор ат*, белая – *хулат* и т. п. Разнообразны наименования способа аллюра: шаг – *пазыт*, трусить – *чорт*, иноходь – *чоргала*, прыгучая иноходь – *сегиртис* и пр.

По данным кыргызских письменных источников можно судить о размерах стад. Высшие слои общества обладали табунами, численность которых выражается такими эпитетами, как «шести тысяч моих лошадей», «отмеченный клеймом скот был без числа» и пр. [Худяков, 1984. С. 21]. О кочевниках этнографического времени писал Е. Пестеров: «...лошадиных табунов имеют от тридцати до пятидесяти...» [Патачаков, 1958. С. 18]. Существуют и архивные документы, речь в которых идет о табунах в несколько тысяч голов у знатных баев [Там же. С. 43–46]. Тем не менее большая часть рядового населения Среднего Енисея на всем изучаемом временном промежутке имела гораздо меньшее количество коней.

К сожалению, в настоящее время нам не известны позднесредневековые изображения всадника и верхового коня у населения Среднего Енисея, кроме относительно невыразительных изображений лошадей, среди которых имеются и снаряженные, относимые к хакасам Нового времени [Кызласов, Леонтьев, 1980. С. 37–38]. Главенствующая роль лошади в хозяйстве кочевых народов монгольского времени подчеркивается изобразительными источниками с других территорий, например половецких степей [Булатов, 2002. С. 42].

Важное значение в коневодстве населения Среднего Енисея составляет «способ-

ность жеребца охранять и самостоятельно водить косяк» [Патачаков, 1958. С. 19]. Таким образом, имелась возможность разделения лошадей на практически самостоятельных гулевых и рабочих, находившихся при дворе [Там же]. Соответственно, исходя из этого строился и жизненный год кочевников юга Средней Сибири, разделенный на сезоны, зависимые от времени выпаса скота и наличия кормов.

Все эти сведения относительно истории хозяйства населения Среднего Енисея конца I – начала II тыс. н. э. подтверждаются результатами археологических раскопок. Подавляющее большинство находок из погребальных комплексов относится к снаряжению коня. Очевидно, большой массив артефактов конской амуниции является результатом особого внимания к верховой езде, а их находки в погребениях – отражение культового значения верхового коня.

Монгольское нашествие не могло уменьшить роли верховой езды местного населения. Завоеватели сами являлись кочевниками, чей образ жизни был самым тесным образом связан с конем. На территории Среднего Енисея завоевание проявляется в возвращении населения к типично кочевому образу жизни, деградации земледелия. Этот процесс сопровождался культурным упадком в целом, который археологически выражается в упрощении облика предметов, его стандартизации в рамках традиции окружающих лесостепных кочевых народов. Кочевое скотоводство отныне – единственный способ выжить на опустевших просторах Среднего Енисея. Роль верховой езды в результате долгой борьбы с захватчиками существенно повысилась. Огромное значение верхового коня сохранялось вплоть до распространения на данную территорию русского влияния. Осталось оно и после вхождения народов юга Средней Сибири в состав Российской империи. К началу XX в. роль коневодства была лидирующей [Бутанаев, 2002. С. 80]. Новые способы хозяйствования у некоторых этнических и социальных групп населения лишь потеснили его.

Кочевым народам не свойственно обожествлять коня. Сакрализация лошади предполагает ее обособление, что немислимо для кочевников. Конь – обязательный и верный спутник человека. Поэтому он является обязательным участником многочисленных

мифов, легенд, сказаний, а также обрядов и культов. «Многослойный образ коня» в тюрко-монгольском эпосе не противоречит отсутствию его сакрализации в мировоззрении кочевников. Напротив, представление коня как предка, покровителя, вещего спутника героя-всадника [Липец, 1984. С. 124–139] подтверждает его необходимость для человека. Все это наглядно проявляется при сопоставлении роли коня у кочевников и оседлых народов, которые также обладают развитыми традициями коневодства. Например, у корейцев и вьетнамцев жертвоприношения коня производились исключительно в качестве соотнесения лошади с водой и горой [Кнорозова, 2003. С. 247].

Практически все герои изустных рассказов Саянских тюрков имеют коня. Как отмечают В. Я. Бутанаев и Ч. В. Монгуш, причина этого заключается в том, что «конь был верным другом человека, добросовестно служащим ему при жизни, а после смерти сопровождал его в загробный мир. Имя человека и конь в тюркских языках носят идентичное звучание “ат”, ибо в эпической жизни не только богатырь неразрывно связан со своим конем» [2005. С. 90]¹, но и подавляющее большинство остальных героев легенд имеют лошадей. Горные хозяева, к примеру, «езды на конях черно-бурой масти» (С. 10). Примечательно, что источником конского убранства также являются горные хозяева. На зеленом коне ездит Всемогуший Бог (С. 33), на соловых – «желтые девы» (С. 34), на сиво-небесном – обогатившийся сирота Кокетей (С. 47), на чубаром – верховный творец Улгенниг-хан (С. 44), на белом – покровитель коневодства Пайта-хан (С. 45). На небе, почитаемом всеми кочевниками Центральной Азии, в созвездии Большой Медведицы находилась обитель чубарого коня (С. 44). Созвездие Малой Медведицы, по мнению тюрков Саян, «состоит из двух коней – белой и сивой масти, привязанных к железному колу или золотой коновязи центра неба, т. е. Полярной звезде» (С. 45). Эти священные лошади считаются защитниками табунов. Согласно мнению коренного населения юга Приенисейского края, на Земле духи-покровители лошадей обитали на юге (С. 49). Без верхов-

вой езды, по мнению кочевников Саяно-Алтая, не могли обойтись и представители темных сил. В мировоззрении хакасов человек, совершивший под действием нечистой силы «поончах» (самоубийство), становился на том свете ездовым конем этого демона (С. 30). Семь божеств нижнего мира («эрлики») имеют скотоводческое хозяйство из лошадей, коров и овец, которых пасут таубунщики, скотники и чабаны соответственно на девятиглавых змеях, шестисаженных пестрых лягушках и шестиногих ящерицах (С. 33). С демоническими существами связано и наименование конокрадов. «Чулгусы» – это конокрады, промышленяющие ночью. Так же называют демонов, являющихся после заката и ворующих людские души (С. 33).

Лошади – обязательные участники систематических жертвоприношений родовым горам («таг тайыг»). Важным эпизодом этого праздника было привязывание к дереву лошади карей масти, которая посвящалась горным духам. У хакасов она называлась «ызых», но, учитывая, что «она служила ездовым животным горных духов, именовалась «таг ызыгы» – горный «ызых» (С. 13).

При обрядах горного жертвоприношения и погребения проявляется интересная особенность воззрений населения Саян, связанных с конем. Ряд ритуальных процедур позволяют сравнивать коня и жену. В первом случае волосы гривы и хвоста «ызыхов» «заплетали как косу замужней женщины, против часовой стрелки» (С. 14). При обряде погребения, «ездовой конь умершего, так же как и вдова, должен был выдержать траурное стояние “тулланганы”» (С. 167). Гриву и хвост заплетал пожилой мужчина «по часовой стрелке, т. е. так же, как косу вдовы» (С. 167). В ходе обоих обрядов, но особенно показательно при жертвоприношении, грива и хвост оформлялись цветными ленточками. В первом случае, «в волосы хвоста и загривка освящаемого животного вплетали парные ритуальные ленточки “ызых чаламазы” – священные флажки, цветовая гамма которых соответствовала масти скота» (С. 14). Во втором, в волосы вплетались красные или черные ленты (С. 167).

Для увеличения приплода скота изображение лошади в виде деревянных фигурок

¹ Далее в круглых скобках указываются страницы по этому изданию.

помещалось внутри священных каменных алтарей «обаа». Кроме коней, подобное внимание уделялось только быкам и овцам (С. 15). Верховой конь участвует и в обычае «уча» – престижного распределения добычи и имущества (С. 56). Покровителями лошадей различных мастей представлялись отдельные тёсы – родовые фетиши (С. 66–69, 71).

Население Среднего Енисея выделяло верхового коня из среды других животных, подчеркивая и в мифах его близость человеку. «Поончах», к примеру, «боится конского копыта» (С. 30). Сравнивая образы коня и коровы в сказаниях коренного населения, следует упомянуть миф о создании Плеяд. В ходе этого рассказа конь, вызванный верховным творцом, должен был уничтожить злое творение Эрлик-хана. Но гордая корова с парным копытом решила опередить коня. Результатом отталкивания коня стало распространение по всей земле холода (С. 44).

По обычаям хакасов и тувинцев прослеживается уважительное, но далеко не трепетное отношение к коням. Действительно, конь для кочевника не игрушка и не забавное домашнее животное, потому и нельзя проявлять излишнюю ласку к скоту (С. 92). В то же время следует помнить, что нельзя наносить побои лошадям, забивать на мясо молодых животных (С. 92). Почтительное отношение к коню проявляется и в существовании у кочевника любимого коня, который особенно оберегается [Бутанаев, 2002. С. 13].

В культуре кочевых народов лесостепного пояса Евразии предполагается важная роль коня не только при жизни. Человек должен оставаться с верховой лошадейю и после смерти [Казаков, 1984; Нестеров, 1985; 1990]. По-видимому, наличие этих животных в погребении означало их использование в качестве жертвы или транспортного средства [Нестеров, 1990. С. 51–84]. В позднем Средневековье и начале Нового времени у населения Среднего Енисея сопроводительные погребения коня не прослеживаются, но конское снаряжение – обязательная часть инвентаря, который требуется покойному «на том свете». По этнографическим материалам мы можем увидеть участие коня в обряде захоронения, что час-

точно подтверждается и археологическими источниками.

На «хойлага» (название коня после смерти хозяина) чепрак и седло надевали задом наперед. Известно и то, что в погребальной процессии использовались тороки седла, к которым привязывали шубу или халат покойного (в качестве его заместителя). При обряде отрубался конец повода, который клался в гроб. Одним из заключительных моментов погребения являлось то, что «в ноги покойному, обычно уже в погребальную яму, клали снятое с “хойлага” седло» [Бутанаев, Монгуш, 2005. С. 167]. В долине Юсов существовала практика забивания «хойлага» и помещение его шкуры и головы в одну яму с покойным. Обычно же «хойлага» забивали и съедали на могиле на сороковой день. А его шкуру набрасывали на специальное чучело «таким образом, чтобы голова смотрела в сторону заходящего солнца. Создавался образ бегущей в небеса лошади» [Там же]. На это чучело вешали и уздечку. Отмечается существование древнейшего обряда сжигания «хойлага» во всем снаряжении в некоторых районах Хакасии [Там же. С. 168]. Приведенные сведения подтверждают мнение С. П. Нестерова о том, что предметы снаряжения, которые клались в могилу, «предназначались коню, умерщвленному у могилы» [1990. С. 63].

Всеобъемлющему значению верховой езды соответствует и особое внимание «атрибутам скотоводства». По некоторым народным воззрениям прослеживается своеобразная сакрализация плети, повода и уздечки коня. С использованием этих предметов связано множество запретов, примет, обрядов. Например, «ни поводом, ни уздечкой нельзя бить коня, иначе погибнет хозяин». Нельзя входить в юрту, «держа в руках плеть и уздечку». «Запрещалось класть на лошадь седло задом наперед, иначе дорога будет неудачной» [Бутанаев, Монгуш, 2005. С. 91–92]. Особое внимание уделялось простой плети как мужскому атрибуту, защитнику от злых сил. Каждый рядовой кочевник имеет одну плеть. Подчеркивается, что ее рукоять сделана из красного таволжника, защищающего от злых духов [Там же]. Известны и другие случаи использования в обрядах конского снаряжения. Например, при ухаживании за фетишем («ир телег»),

охраняющем съестные припасы хозяев, среди прочего необходим был и звук гремящей серебряной подпруги [Там же. С. 76].

Свидетельством высокой роли верхового коня в жизни населения юга Средней Сибири является пример из рассказов о подготовке мастеров горлового пения – «хайджи». После обучения нового «хайджи» его учитель произносил: «Пусть у тебя будет хомыс и носимой одеждой, и насущной пищей, и верховым конем!» [Бутанаев, Монгуш, 2005. С. 38]. Здесь видно, что лошадь стоит на таком же уровне необходимости для человека, как одежда и пища.

Прослеживается большое значение такого обязательного атрибута окружающего мира кочевников, как коновязи [Бурнакова, 1997; Гаврилова, Росляков, 2000. С. 14]. Они выступают олицетворением дома и родины, связи отдельных членов рода и т. п. Следы присутствия коновязи находятся вблизи погребальных комплексов.

Все вышесказанное подтверждает важную роль верховой езды и коня в жизни населения Среднего Енисея в позднем Средневековье. Народы юга Средней Сибири воспринимали лошадь как обязательный компонент своей повседневности.

Список литературы

- Алексеев В. П.* Домашняя лошадь Монголии // Археологические, этнографические и антропологические исследования в Монголии. Новосибирск, 1990. С. 149–167.
- Бёкёни Ш.* Роль степей Евразии в распространении коневодства // Проблемы археологии степей Евразии: советско-венгерский сборник. Кемерово, 1984. С. 9–14.
- Бичурин Н. Я. (Иакинф).* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Алматы: Жалын баспасы, 1998. Т. 1. 390 с.
- Булатов Н. М.* Антропоморфные и зооморфные сюжеты в керамике Золотой Орды // Поволжье и сопредельные территории в средние века. Тр. ГИМ. М., 2002. Вып. 135. С. 37–49.
- Бурнакова Е. В.* Роль коновязей в традиционном мировоззрении хакасского народа // 275 лет сибирской археологии. Материалы XXXVII РАЭСК. Красноярск, 1997. С. 101–102.
- Буряты. М.: Наука, 2004. 633 с.
- Бутанаев В. Я.* Социально-экономическая история Хонгорая (Хакасии) в XIX – начале XX вв. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2002. 212 с.
- Бутанаев В. Я., Монгуш Ч. В.* Архаические обычаи и обряды саянских тюрков. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2005. 200 с.
- Гаврилова Е. А., Росляков С. Г.* Конь в погребальном обряде племен верхнего Приобья в эпоху развитого средневековья // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии: Материалы LX РАЭСК. Новосибирск, 2000. Т. 2. С. 12–14.
- Даржа В. К.* Лошадь в традиционной практике тувинцев-кочевников. Кызыл, 2003. 184 с.
- Жамбалова С. Г.* Традиционная охота бурят. Новосибирск: Наука, 1991. 172 с.
- История Хакасии с древнейших времен до 1917 года. М.: Наука, 1993. 525 с.
- Казаков Е. П.* О культе коня в средневековых памятниках Евразии // Западная Сибирь в эпоху средневековья. Томск, 1984. С. 99–110.
- Кирпичников А. Н.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. // САИ. Л., 1973. Вып. Е 1–36. 140 с.
- Кнорозова Е. Ю.* Жертвоприношение коня в корейских и вьетнамских преданиях // Вестник Корейского центра. СПб., 2003. Вып. 5–6. С. 231–247.
- Ковалевская В. Б.* Конь и всадник: пути и судьбы. М.: Наука, 1977. 152 с.
- Кызласов Л. Р., Леонтьев Н. В.* Народные рисунки хакасов. М.: Наука, 1980. 176 с.
- Кюннер Н. В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.: Вост. лит., 1961. 392 с.
- Липец Р. С.* Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М.: Наука, 1984. 263 с.
- Маак Р. К.* Вилуйский округ. М.: Яна, 1994. 592 с.
- Нестеров С. П.* Таксономический анализ минусинской группы погребений с конем // Проблемы реконструкций в археологии. Новосибирск, 1985. С. 111–121.
- Нестеров С. П.* Конь в культурах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху

средневековья. Новосибирск: Наука, 1990. 142 с.

Патачаков К. М. Культура и быт хакасов в свете исторических связей с русским народом (XVIII–XIX вв.). Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1958. 104 с.

Савинов Д. Г. Древние поселения Хакасии: Торгажак. СПб.: Петербургское востоковедение, 1996. 106 с.

Худяков Ю. С. К вопросу о хозяйственно-культурном типе енисейских кыргызов в эпоху средневековья // Этнография народов Сибири. Новосибирск, 1984. С. 18–24.

Энтони Д., Телегин Д. Я., Браун Д. Зарождение верховой езды // В мире науки. 1992. № 2. С. 36–42.

Материал поступил в редколлегию 15.10.2011

A. V. Vybornov

**HORSE RIDING AND HORSE IN DAILY AND SPIRITUAL LIFE
OF THE MIDDLE YENISEI POPULATIONS IN LATE MIDDLE AGES**

On the basis of written and ethnographic sources the review of value and functions of a horse in culture of the late medieval population of the Middle Yenisei – Yenisei's Kyrgyz and them kyshtym is made. Presented information is a result of carrying out complex archaeological, ethnographic and archival researches on a history Yenisei's Kyrgyz at the final stage of existence of their state.

Keywords: South Siberia, Middle Yenisei, Late Middle Ages, ethnographical data, horse riding, horse equipment.